

Слава Сумалётов
(1988 – 2000)

СМЕШНОЙ МОНАХ

(стишки до возвращения с той стороны)

1

Сон и явь
поменялись местами снова –
вот и я
иду на выставку новых работ
художника... Ильи Глазунова.

1988

2

Блуждаю меж портретами,
сенсационно плоскими,
и вечными вопросами
с готовыми ответами...

1999

Можно прожить, а можно и умереть:
кто-то будет любить, а кто-то иметь.

1988

(в защиту государственности)

Счастливый и довольный марширую на плацу –
с гражданским долгом, размазанным по лицу.

1989

(в защиту правосудия)

Какой громадный таракан!
Вот это да... Щелчок!
Труп свалился на диван.
А я протёр глаза – сверчок...

1989

Что-то слева болит...
Ничего, я привык:
без капель справляюсь.

Пока не откусили язык
любители деликатесов,
хожу, издеваюсь.

Пока не разорван стык
на хитрых рельсах,
еду трамваем –
маршрута "детство-миг-старость".

Мир смешу и сам улыбаюсь.
Лишь бы не откусили язык!
К другим перебоям привык:
в общем, шутя справляюсь.

1989

Полёт! полёт!
Исход! Исход!
Летальный? Тот.

1989

ПЕРЕМЕНЫ

"Всем работать!"
Ровно в семь мы встаём
и идём на работу.

"Всем работать ровно!"
В семь мы встаём
и идём на работу.

"Всем работать ровно в семь!"
Мы встаём
и идём за восьмой.

1989

Не смотрите, поэты, в воду –
не пророчьте, поэты, беду;
не любите, поэты, свободу –
не дразните, поэты, судьбу:
не пишите, поэты, стихов!

1990

Меня они не понимали –
с трудом, но всё же я терпел.
Теперь я их не понимаю...
И это, видимо, предел.

1990

С улыбкой – о делах, делах, делах...
С улыбкой начинаем будней бег.
С улыбкой на устах –
упал на красный снег:
замёрз человек.
Улыбка – лучшая броня!
С улыбкой убивает жизнь меня.

1990

(в защиту хороших знакомых)

Быть может, и падение моё изучат до деталей.
А вам спасибо и за то, что падать не мешали.

1990

(в защиту науки)

Летают птицы, комары, поэты,
плевки, сплетни и кометы.
Как хорошо, когда вперёд
сознание ещё ползёт!

1990

Меня сегодня снова занесло:
я ей опять рассказывал о снах.
Она ж в ответ такое сделала лицо...
какое делают при травле блох.
И я не удержался на ступнях,
сел в лужу и промок.
Она сказала мне: "Прости.
Ты, в принципе, не плох.
Но ты ж невыносим,
когда витаешь в облаках!"
Сарказма ком вдруг выпорхнул из горла:
я ей шепнул, что выносимые – все в морге.

1990

Я вчера растревожил равнодушие:
одного человека, послушного,
правильного, раз-беспокоил!
Это было легко:
три года острой сердечной боли,
прыжки, ожоги, запои
и несколько сотен стихов.
И всего – одного! И тот – в зеркале. Ох.

1990

Прощай, дружок. Как хорошо!
что расстаёмся не врагами...
А заскучаешь за делами –
стучись в моё зеркальное окошко
деревянной ложкой,
что дорога ко званому обеду.
Как жаль, что ели мы руками.
Так неприлично жрать поэту!
Тем более – с друзьями.

1990

ЗАГАДКИ

1
За то, что шёл с тайной на бой,
заболел я цинизма цингой.
(...)

2
Я люблю иногда быть искренним,
особенно – в первом ряду!
Я так громко плакал над истиной,
потому что видел в гробу.
(...)

3
Моя хата с краю –
сквозь ставни наблюдаю,
как твоя сгорела.
А мне какое дело?
(...)

4
Моя хата на краю –
ничего не знаю:
просто так горю.
И тебя прощаю.
(...)

1989, 1999

ПОШЛАЯ ИСТОРИЯ

Любимая случайно оказалась дурой.
Себя случайно продал друг мой.
Я замыкаюсь – и напиваюсь.

С упорством черепахи словами тыкал в стенку я,
пока не понял: та стена – спина моя.
Я удивляюсь – и отрезвляюсь.

1990

До дивной сказочной страны,
где между сердцем и мозгами
нет пропасти и нет стены
и где не топчутся ногами
по зеркалу моей вины,
мне долететь не даст
(ни наяву, ни в снах)
растущий опыта балласт
и новых разочарований страх.
Но только право улыбаться
со мною будет оставаться!

1991

(на посошок)

Его били – а он улыбался.
Его били – а он улыбался.
Его убили... А он улыбался.
И... с... следовательно закурил!
и сошёл с ума.

1991

ЧАСТУШКИ-ПОБИРУШКИ

Энгельс и Маркс по Европе бродили.
В полночь им встретилась тень Джугашвили.
Ощерился Маркс и завыл на луну.
Ничто человеческое не чуждо ему.
*

Однажды в столовой купил я котлету.
Но жадно косился Ленин с портрету.
Стыдно мне стало – и я поделился.
Портрет поперхнулся, упал и разбился.

*

Вот и лопнула система!
Головою бьюсь об стену.
Это ватная стена –
мне не больно совершенно!

*

Изменилось всё, нет сил!
Я остался тем, чем был.
Изменилось, мочи нету!
Я свою свободу завернул в газету.

*

Пашка Ванюшке дал шесть рублей.
Ванька их пропил один, как еврей!
Павел ел пасту и хмуро ходил.
Павел евреев с тех пор не взлюбил.

*

В прямую свернулся сей мир без конца.
Прямая же кажет нам точку с торца.

1991 – 1996

ПОСМЕРТНОЕ АЛЛЕГРО

Волк серый воеет на луну.
На поводке собачка лает.
Одну минорную струну
печальный бард в душе терзает.
Карась снуёт в пруду по дну.
Чего-то тут мне не хватает!..
Цветочки... птенчики порхают.
Да блики с солнышком играют,
как дети, в ряби на реке.
От мысли трудность убегает,
идёшь себе без цели, налегке.
Как редко дни такие выпадают!..
Меня обходит, обгоняет мерин-быт.
И пыль летит из-под копыт...

1991

СМЕШНОЙ МОНАХ

туш

В жизни всегда есть место творчеству...
Только мне в ней места нет.
Дураки, как лошади,
свой разум выносили на спине...

Чёрный шут на снежном фоне:
монах весной – такой смешной!
(Не унесу табак в носу:
чихну – не выдержу – до срока!)
Монах в миру – такой живой.

И смех с тоской, как пёс чумной,
зимой прижался к моему порогу,
царапал дверь и жалобно скулил.
А я ж предупреждал: не выдержу!
Впустил.

Пёс отогрелся, слюни распустил,
сожрав три порции отборного овса.
Но я решил спровадить пса...
Заржав, он прокусил мне босу ногу.
И я взбесился понемногу.

Не надо гладить, розовые детки,
живучих незнакомых псов.
А лучше запирайте свои клетки
изнутри вы на засов.
(Известно, безопасно, сам таков.)

И вот с тех пор,
бессонный вор,
в ночи бросаюсь на людей,
безвредных, спящих и глухих...

И дней разнообразный сор
ложится аккуратно в стол.
Любите, дети, лошадей:
от вас спина болит у них!

1991

За право быть услышанным – необходимо умереть.
А коли хочется пожить – необходимо повзрослеть.
И коль болезнь здесь приняла тоски хронические
формы –
ох, нужно выполнять общественные нормы
и пользой свободу обрезать.
Теперь – терпеть: молчать.
Но только бы не пережать...

1991

Ты кроток – и грех мой любой,
наверное, можешь простить.
Но если я вдруг поскользнусь пред тобой,
то станешь ногою в живот меня бить:
ты слабость не сможешь простить.

1993

В начале было слово, а затем – предметы;
каких же "дел" вы ждёте от поэта?
Вмещает слово: мысль, и звук, и пластику, и
чувство,—
и все "дела" несёт в себе искусство.

1994

(в защиту семьи)

".....!!!"
Зато все свои.

1994

(в защиту сатиры)

Лгите до пота! Лгите без меры!
Ждите потопа или холеры!

Ладно, пуганые.

1994

(в защиту справедливости)

Всё во имя человека!
Всё для блага человека!

Тоже мне пуп Вселенной.

1994

Вечными бирюльками стихов
люблю я смерть смешить,
чтобы жить без страха и легко –
то есть не грешить!

1994

Смириться с подлостью, нечистотой людей
возможно... может быть.
Но как смириться с мерзостью своей?!
А не смирясь – как жить?

1994

Не приведи мне бог когда-нибудь сказать:
"Любовь – это..."-
и написать трактат из девятнадцати слов,
длинный и умный, как этот.

1994

КНИГА

Отныне лишь друзья идут ко мне.
А до рабов – мне дела нет.
Нехитрый, брат, секрет.

1994

("сколько лет, сколько зим!")

– А ты совсем не изменился...
– Да ещё как!

1994

Слушать душу Пушкина,
ночные лучи Тютчева,
светлое лето Фета...
Меморандум Черномырдина.

1994

...Но гордо светит разума звезда!
И ада широки врата,
и в ад не верит, кто идёт туда.

1994

Страшней, чем в морге свет тушить,
улыбка мягкая эстета без души.

1995

"Поднимись, товарищ! пора!! просыпаться!!!"-
так в душу мне с утра он орал.
"Не имеет права поэт пресмыкаться
пред временем!" – я властно сказал.
И будильник, треснув, навек замолчал.

1996

О светлый разум, совесть успокой:
у нас всё скверное оправдано тобой.

1996

В стихах "вещей" кто не искал,
по "стилям" дух не разлагал,
лишь вдохновения алкал
да рост души следил живой,—
тот от корысты временной
мысль изречённую очистил.

1996

Однажды если сквозь
законы польз, туман ума
прольётся солнце: из зеркал
смех брызнет через край,
прервётся круг и пузырьём
рассудок лопнет вдруг!..
При чём тут я?

1996

В благом "жить как писать" —
желанье Богом стать.

1997

ДЕМОН

Остывшей красоты
тяжёлый ангел — слеп:
разумной пустоты
блужданье — вечный склеп.

7-8 февр. 1999

Мир трагичен:
я эгоистичен.

авг. 1999

Стали безвоздушные
в горле дни: тяжёлая
наполняет комнату
пустота души...

Станешь тут терпимее:
вылезешь из логова,
всё остришь да нравишься –
милый человек!

2000

Без осужденья
смотрю на это...
на наше племя.
Уж не краснея,
сношу советы
и с вожденьем
считаю деньги.
(На всём готовом
не въедешь в ад!)
Конечно, дети...
И быть здоровым...
Уж демократ
почти что я!..
Но станет словом
здесь жизнь моя.

10 февр. 2000